Ратманский Алексей 27.02.-6.03.97

ВОКРУГ ДА **ОКОЛО**

Портрет на фоне танца

Недавно случилось мне пожалеть, что страны, которая в области балета по праву считалась некогда впереди планеты всей, больше нет. Не рухни она пять лет назад, смогли бы мы сегодня это пошатнувшееся право подкрепить. Однако не судьба. Так порадуемся за соседей, поздравим самостийную Украину с тем, что служит в ее Национальной Опере Алексей Ратманский.

О Ратманском заговорили в девяносто втором, когда он получил первую премию на Международном конкурсе артистов балета имени С.Дягилева. Заговорили еще и потому, что помимо очевидной одаренности, он поражал сходством с Нижинским чье имя носила главная премия конкурса. В "Видении розы" сходство было не просто внешним, а сквозьвременным, танцевально-генетическим. Ратманский чуял Нижинского, мощными импульсами посылая это ощущение в зал.

Подобный аттракцион таил немалую опасность: куда как легко и заманчиво сделать нью-Нижинским, можно даже целую программу составить из номеров легендарного Фавна да колесить с ней по городам и весям, благо мода к тому располагала.

Этого, однако, не произошло. Удивительное сходство оказалось не игрой природы (что было бы любопытно, но и только), а результатом глубочайшего и осознанного проникновения в образ. Молодой танцовщик пересмотрел и перечитал о Нижинском все, что было возможно. Читающие балетные – вообще чрезвычайная редкость, а вчитывающиеся, способные анализировать, конструктивно мыслить, глубоко чувствовать и вдохновенно воплощать родившийся в душе идеал – и подавно.

Когда в 1995 году после трехлетней работы в Королевском Виннипегском Балете Ратманский стал появляться в Москве, это был уже зрелый артист. Наделив могучим даром, природа в остальном особых поблажек не дала. Он вытесал, вылепил, изваял себе тело чуткое и умное. По-своему трактовал Баланчина, Бежара, Мясина – без опасливой оглядки (при безусловном уважении) на авторитеты и с чувством собственного достоинства. Это не всем пришлось по душе, чужая независимость раздражает. Снобы ворчали: современная хореография современной хореографией, а пусть-ка попробует взяться за старую добрую классику; не выдюжит, проколется.

И вот 29 ноября 1996 года продюсерская фирма "Постмодерн-Театр" пригласила на первую в этом сезоне встречу с танцовщиком. На сей раз в программе вечера появилась классика. И какая! Второй акт "Жизели". Ратманский – граф Альберт.

Трудно даже говорить о потрясении, таким банальным кажется это слово в сравнении с тем, что мы увидели. Каким внутренним зрением нужно обладать, чтоб отколесить роль от десятилетиями налипавших чешуек омертвелой традиции, не затерев при этом, а, напротив, высветить во всем блеске тончайшие алмазные грани? Каким чувством времени нужно быть наделенным, чтобы приблизить Альберта к нам – не обряжая в драные джинсы или камуфляж, а глазами, мимикой, едва уловимыми оттенками движений и другими, не разгаданными еще средствами, делая переживания героя не карамельными, а внятными нам, живыми? Каким артистизмом нужно овладеть, чтобы заставить много чего повидавших, солидных и сдержанных в обыкновенной жизни людей, собой не владея, снова и снова кричать "Браво!"? Таким внутренним зрением, таким чувством времени и таким артистизмом, какие делают из актера, из танцовщика артиста, художника.

И тут же – совсем другой Ратманский. "Кармина Бурана" К.Орфа в хореографии С.Швыдкого. Венецианская баутта, карнавальное веселье со зловещинкой. Представьте себе, что комедианты Калло с их чарующей энергетикой вдруг ожили. Упругие извивы тел, перекрученные силуэты, тончайшая филигрань движений при взбесившемся темпе. И глаза.

Этих глаз мне не хватало, когда 1 февраля 1997 года, во время второй встречи с киевским гостем, устроенной все тем же "Постмодерн-Театром", давали одноактный балет "Прелести маньеризма" на музыку Р.Штрауса в хореографии А.Ратманского. Танцевали звезды Большого и Мариинки: Нина Ананиашвили, Татьяна Терехова, Алексей Фадеечев и Сергей Филин. Танцевали превосходно. И дело, конечно, не в технике, о ней применительно к таким мастерам смешно и говорить. Хореографу удалось внушить, а исполнителям уловить сам дух маньеризма, пришедшего на смену Высокому Возрождению. Эпоха большого стиля миновала. В жизни все не так уж серьезно, все – игра. Все понарошку. Кукольный дом, прелестные фарфоровые страсти. Балет до предела насыщен движением, но при этом никакой сутолоки. Изящество и декоративность, слегка жеманная грация, прихотливые орнаменты ритмов по эротической канве. И – бесконечная ирония. Жаль только, что не танцевал сам Ратманский. Никто не сделал бы это выразительнее, чем он.

У Ратманского сверхъестественная интуиция и абсолютное чувство стиля. Увлекшись какой-либо эпохой, он как бы вбирает ее в себя, перенастраивается на нужную волну. Ему поразительно удаются стилизации. Это было видно и по первым опытам, а сегодня можно уже сказать определенно: Ратманский – состоявшийся хореограф. Самобытный, виртуозный, многообещающий.

Глядя на него, я вспоминаю о золотом веке советского балета и думаю: не так уж важно, какое у него гражданство. Ратманский – это наша школа, наша безграничная радость и наша общая гордость.

Наталия ЗВЕНИГОРОДСКАЯ

52

Экран и сцена. – 1997. – 27 февр. – 6 марта. –